

ПАМЯТНИК БРОНЕНОСЦУ «РУСАЛКА» В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Лапин Владимир Викентьевич

*Д.и.н., в.н.с., Санкт-Петербургский Институт
истории Российской Академии Наук
lapin.vv@yandex.ru*

THE BATTLESHIP «RUSALKA» MONUMENT IN ANTHROPOLOGIC DIMENSION

V. Lapin

Summary. The wreck of battleship «Russalka» September, 7 1893 in the Gulf of Finland during a storm caused a large falsehood determined by the circumstances of the disaster. There turned out to be no eyewitnesses, the ship was found only 110 years later. It led to a fiction and speculations, engendered by different socio-cultural relations. A monument appeared in 1902 in Revel (Tallinn). The money for its establishment were donated by Russians, that action was a display of civil society activity. The monument was the repository of different Imperial symbols. It was the reflection of the Russian ambition to be a great naval Empire and the exhibition of Peter the Great's cult. The imperial character of the monument promoted its preservation in the "memorial wars", which were significant for the area of the former Russian Empire.

Keywords: Estonia, monuments, historical memory, history of empires, civil society.

Аннотация. Гибель броненосца «Русалка» 7 сентября 1893 года в время шторма породила много слухов по поводу причин несчастья. Корабль был найден 110 лет спустя. В 1902 году в Ревеле (Таллине) был поставлен памятник. Деньги на него пожертвовали россияне, что явилось проявлением активности гражданского общества. Монумент был носителем различных имперских символов. Он был отражением стремления России быть великой морской державой, а также одним из проявлений культа Петра Великого. Имперский характер памятника способствовал его сохранности в войнах памяти, которые характерны для пространства бывшей Российской империи.

Ключевые слова: Эстония, памятники, историческая память, история империй, гражданское общество.

Низкобортный броненосец береговой обороны «Русалка», построенный в 1869 году по образцу американских мониторов 7 сентября 1893 года в сопровождении канонерской лодки «Туча» отправился из Ревеля в Кронштадт. Во время шторма корабли потеряли друг друга из виду, в точку назначения пришла только «Туча». Через несколько дней финские рыбаки нашли на побережье и в море множество предметов, свидетельствовавших о гибели броненосца. Поиски ничего не дали, корабль и весь его экипаж исчезли бесследно. Только в 2003 году корпус «Русалки», зарывшийся в донный ил, обнаружили в 25 километрах к югу от Хельсинки эстонские подводные археологи [1].

В 1902 году на берегу Ревельской бухты на морской аллее парка Кадриорг был воздвигнут памятник-кенограф (надгробие без захоронения) по проекту эстонского скульптора Амандуса Адамсона (1855–1929). Монумент пережил «войны с памятниками», которые неоднократно вспыхивали на территории бывшей Российской империи и бывшего СССР. Вокруг него сложились различные легенды, он стал «русским» местом памяти на ментальной карте столицы Эстонии.

Рассмотрение истории этого памятника в антропологическом измерении представляет интерес как подход, позволяющий внести свою лепту в изучение социальных и культурных процессов, протекавших в России на рубеже XIX–XX вв.

Следствие показало, что имел место несчастный случай, вызванный тяжелыми погодными условиями и низкими мореходными качествами корабля. Эта трагедия нашла отклик по всей России. Конец XIX столетия в России маркирован стремительным возрастанием активности российского общества. В стране одна за другой появлялись разного рода структуры, создаваемые не по воле государства, а в соответствии с интересами и запросами граждан. С калейдоскопической быстротой появлялись периодические издания, круг их читателей так же стремительно расширялся. Гибель военного корабля в волнах Финского залива стала большим событием, и призыв оказать помощь семьям погибших офицеров и матросов открыл всероссийскую кампанию по сбору средств в масштабах, не имевших ранее прецедентов. За несколько недель в специально учрежденный комитет поступило около 200 тысяч рублей, пожертвованных

как членами императорской фамилии, так и простыми крестьянами [2]. По откликам в прессе и в письмах, адресованных в Морское министерство, трагедия воспринималась как личное горе. Огромное число людей было озабочено скорейшими поисками затонувшего корабля.

В ревельской церкви Св. Симеона и пророчицы Ханьны, которую посещали морские чины, ежегодно 7 сентября проходила заупокойная литургия по экипажу «Русалки». Участники такой церемонии в 1899 г. высказались о сооружении памятника. Наибольшую активность проявил контр-адмирал Павел Николаевич Вульф (1843–1909), бывший тогда командиром Ревельского порта, человеком с особым отношением к истории. Он рос в атмосфере культа памяти героев Севастопольской обороны в 1854–1855 гг., поскольку его отец Николай Павлович Вульф (1816–1858) в чине контр-адмирала служил во время Крымской войны начальником 3-й бригады 5-й дивизии Черноморского флота, и считался «севастопольцем». А прадед его по отцовской линии капитан-лейтенант Карл Вульф погиб в 1770 г. при взрыве линейного корабля «Евстафий» в бою при острове Хиос. В 1903 г. П.Н. Вульф при получении патента на потомственное дворянство заказал родовой герб с изображением взрывающегося парусного корабля [3].

Для контр-адмирала Вульфа создание памятника «Русалке» стало коммеморативным проектом, в котором переплелись различные корпоративные и личные интересы. Когда встал вопрос об увеличении Вульфу пенсии, главным доводом было то, что отставник «...был главным инициатором и участником по проектированию и устройству памятника, установленного в Ревеле чинам погибшего в Финском заливе броненосца береговой обороны «Русалка».

До середины XIX века инициатором установки монументов и заказчиком проекта в подавляющем большинстве случаев являлось государство, которое и несло все расходы на их установку. В пореформенное время уже общество заявляло о своем желании воплотить свои представления о былом в граните и бронзе, диктовало эти желания скульпторам и жертвовало на воплощение этих представлений немалые суммы. В выборе поводов для установки монументов явно прослеживалось желание отдать «исторический долг» своим предкам «по крови», прославить свою корпорацию, показать «сопричастности» великим событиям.

Начало XX в. в России проходило под знаком обостренного внимания к своему прошлому. Можно было говорить даже о своеобразной «исторической лихорадке»: нескончаемая цепь юбилеев, поток публикаций о былом, сооружение различных мемориальных объектов, массовое «исторический» туризм. Россияне стано-

вились «исторической нацией», для них общее и прежде всего героическое прошлое служило средством идентификации и самоидентификации. Власть успешно использовала уважение к народным героям для укрепления «устоев». Правительство осознало весомость исторической аргументации в политических диспутах, включилось в борьбу за историческое наследие. Поэтому оно придавало юбилеям и церемониям освящения памятников статус важных государственных актов. Еще неоконченный памятник осмотрел Николай II и глава морского ведомства генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович. На открытии памятника «Русалке» присутствовал морской министр и другие высокопоставленные лица [4].

Памятник в Ревеле стал проявлением соперничества в славу, характерного для военной среды. На рубеже XIX–XX вв. в России уже сформировались два солидных мемориальных комплекса. Первый из них был посвящен Отечественной войне 1812 года, а второй — обороне Севастополя в 1854–1855 гг. Последний воспринимался прежде всего как памятник героям-черноморцам: монументы П.С. Нахимову и В.А. Корнилову, Свято-Никольский храм на Военном кладбище, Владимирский собор, в котором был захоронен прах адмиралов В.И. Истомина, В.А. Корнилова, М.П. Лазарева, П.С. Нахимова; Музей обороны Севастополя, музеефикация остатков оборонительных сооружений и т.д. [5].

Появление памятника морякам-балтийцам явилось своего рода актом справедливости по отношению ко всем, кто погиб под Андреевским флагом, шагом к достижению «коммеморативного равновесия» с моряками-черноморцами.

Для сбора средств была организована всероссийская подписка, которая, также как и сбор в помощь семьям погибших моряков, дала просто ошеломляющие результаты. К подписному листу прилагалась записка, в которой среди прочего говорилось: «Если люди способны посвятить себя морю, привязаться к нему, несмотря на все ужасы, которыми оно грозит им, то не служит ли это лучшим примером торжества духа над плотью, и если ставить памятники сраженным ядром, пулей или штыком, то не заслуживают ли памятника и отважные мореплаватели, похищенные волнами в то время, когда они, презирая ежеминутную опасность, спешили в дальние страны на защиту родных интересов или разносили по всем концам света славу родного флага, престиж родного имени».

Место, выбранное для монумента, было «переполнено смыслами». Инициаторы его установки писали: «Памятник предполагалось поставить на берегу в Екатерининском парке, куда в последний раз были обращены

взоры безвременно погибших на провожавших их родных и знакомых, собирающихся обыкновенно на этом берегу проводить уходящие суда» [6]. Точное место установки монумента было определено по принципам навигации: в точке пересечения так называемого створа ревелских маяков с Морской аллеей Кадриорга. Створ маяков — воображаемая прямая линия, по которой обеспечивается безопасное движение корабля. Морская аллея резиденции, основанной в Ревеле Петром Великим, открывала вид от дворца на море. Таким образом, памятник оказывался символическим узлом, связывающим «памятью о царе-флотоводце» с Балтийским флотом [7]. Соблюдение такой точности расположения монумента было для моряков столь принципиальным, что они выкупили необходимый им кусочек земли за 1500 рублей — немалую по тем временам сумму.

Памятник в Севастополе и в Ревеле объединяет то, что они поставлены в честь не победивших, а погибших кораблей. На Черном море они были затоплены при угрозе неминуемого уничтожения в случае столкновения с англо-французским флотом. «Русалка» не выдержала схватки со стихией. Поскольку признание собственного поражения противоречит самой сути национальных героических мифов, конструируются нарративы, в которых внимание фокусируется на героизме и самопожертвовании. В Крымской войне технически успешный, но морально ущербный Запад одержал верх на поле брани, однако не смог победить в «духовной борьбе». Команда «Русалки» погибла в волнах, но «не сдалась». Смерть и подвиг — неразделимые понятия, и в России того времени такая связь занимала в умах особое место.

Гибель моряков, особенно при таких загадочных обстоятельствах, какие были при катастрофе «Русалки», воспринималась россиянами особо эмоционально. Дело в том, что морская стихия была неведомым и опасным миром для жителей Среднерусской равнины. Зона прибрежья была рубежом между православным и инославным, между родным и чужим. Морская культура, привитая на российское имперское древо, с трудом на нем приживалась. Запад был враждебен и непонятен, море было непонятно и враждебно. Гибель в борьбе с ними объединяла погибших. Немалую роль в широкой известности истории гибели этого корабля играло его имя. Русалка — коварная и одновременно прекрасная, является наиболее известным из мистических существ. Она — персонаж народных сказок, легенд, поэм, драматических и музыкальных произведений. Загадочных дев, живущих в воде, создавали на своих полотнах многие художники. В крестьянских представлениях о мире русалками могли становиться души людей не только утонувших, но и вообще всех, причины смерти которых не были достаточно ясны. В 1893 году эти массовые представления связались причудливым образом с морскими традициями христи-

анскими обрядами. Родилась легенда о том, что будто бы во время спуска на воду этого броненосца православный священник отказался освящать корабль с «бесовским» именем и тем самым предопределил его судьбу.

Памятник в Кадриорге оказался знаком сотрудничества всех трех сообществ Эстляндии — эстонского, русского и немецкого. Русские военные моряки были инициаторами создания памятника и «двигателями» проекта в целом. Ревельские немцы-предприниматели сыграли важную роль в осуществлении художественного замысла эстонца-скульптора А. И. Адамсона.

Этот талантливый и успешный мастер живописи и валяния имел прочные связи в высших кругах столичного общества и даже при императорском дворе. Он был близок к художнику Й. Кёлеру, обладавшему еще более значительными связями (был учителем рисования в семье Александра II). Кёлер был одним из активистов национального эстонского движения, и, вероятно, сыграл роль в том, что эскиз памятника в административном центре Эстляндии был заказан именно скульптору-эстонцу. Таким образом, памятник броненосцу «Русалка» в этом смысле может рассматриваться как имперский проект.

Имперским проектом памятник «Русалке» можно называть и потому, что одно сооружение является надгробным знаком для людей, принадлежавших к разным нациям и конфессиям. Экипаж броненосца береговой обороны представлял Российскую империю «в миниатюре» [8]. В один день пучина поглотила людей, для которых родным был русский, немецкий, украинский, польский, шведский, эстонский и латышский язык. «Русалка» стала братской могилой для людей разных сословий и культур. Во всем мире кладбища разделяются по вероисповеданиям. Последователи разных пророков лежат отдельно друг от друга. Только военные захоронения, в том числе и кенотафы, подобные памятнику в Таллине, безоговорочно ломали эту традицию. На памятнике в Таллине имперские черты проглядывают довольно четко, если смотреть на него сквозь призму российского морского величия. Появление «военно-морского» монумента на этом крайнем западном рубеже империи непосредственно связано с военно-стратегическим значением Эстонии.

Ревель в начале XX века оказался центром воплощения идеи имперского морского величия, и наличие там монументального глорификационного знака было более чем уместно. Превращение города в главную морскую базу России, как об это мечтал Петр Великий, не состоялось из-за недостатков местной гавани: она не укрывала от северо-западного ветра и замерзала зимой на 3–4 месяца. При этом просторный рейд Ревеля (около пяти

километров в диаметре) оказался удобной летней стоянкой. Петр I после долгих поисков надежного укрытия для Балтийского флота выбрал глубокую и просторную бухту Рогервик в 40 километрах к югу от Ревеля (Палдиски). Здесь можно было оборудовать первоклассную морскую базу. Однако по ряду причин это не было осуществлено [9]. В начале XX века Ревель должен был стать центром гигантского укрепленного района, получившего название Морской крепости имени императора Петра Великого.

Ревель занимал заметное место на карте «российской морской славы», он был важным центром военного судостроения. 2(13) мая 1790 года прямо на рейде, на виду у всего города, русская эскадра отбила нападение шведского флота, который потерял два линейных корабля.

Памятник, посвященный морякам, без сомнения, уместен там, где моряки, сошедшие на берег, чувствуют себя дома. Ревель был одним из таких городов. Можно сказать, что город жил в унисон с эскадрой, которая ежегодно на все лето приводила в Ревельском заливе [10]. 14 июля 1902 г. местная газета, сообщая об очередном танцевальном вечере в Морском собрании, отметили, что «...отсутствие гардемарин и офицеров морского артиллерийского отряда, занятых по случаю прибытия высших морских чинов морского ведомства, отразилось на настроении гостей, которые начали разъезжаться раньше обыкновенного».

История памятника в Кадриорге — свидетельство о природе Российской империи. Корабль был нерусским (являлся копией американских мониторов). На нем служили и на нем погибли представители нескольких народов, населявших державу, причем большинство составляли русские (православные). Командиром был обрусевший немец Николай Христианович Йениш, отец которого погиб в осажденном Севастополе. «Русалка» погибла в территориальных водах Финляндии и была найдена эстонскими водолазами. В городе с совершенно нерусским обликом, нерусским архитектором был поставлен нерусский памятник, причем инициатором опять же выступил нерусский человек — адмирал П. Н. Вульф.

Памятник в Кадриорге поставили, когда Российская империя пребывала на пике своего военно-морского могущества, а Ревель в очередной оказался в роли соперника Кронштадту как основной базы Балтийского флота. Установка памятнику броненосца «Русалка» в публичном пространстве города, воспринимался как знак заслуг моряков-балтийцев, священная могила. Огромные свободные и открытые площади вокруг монумента позволяли устраивать торжественные церемонии с большим числом участников.

Кампания по сбору средств на монумент стала еще одним доказательством активности российского общества, его способности на общероссийские акции. Россияне перечислили на помощь семьям погибших моряков огромную по тем временам сумму — более 200 тысяч руб., а затем собрали еще более 60 тысяч рублей на памятник. К сожалению, данные о составе благотворителей обнаружить не удалось. Сохранившиеся отрывочные сведения о жертвователях не позволяют создать коллективный портрет благотворителей, но в том, что деньги поступали со всей России, от представителей всех сословий, сомневаться не приходилось. Переводы составляли от нескольких копеек до нескольких десятков рублей.

Памятник возвышается на 16 метров и виден со стороны моря на расстоянии около 3 километров. Он окружен вереницей чугунных литых тумб, на которых указаны имена всех матросов погибшего броненосца. Это свидетельство новых веяний в мемориальной практике: ранее поименно указывались только погибшие офицеры, тогда как нижние чины указывались общим числом.

Многие дореволюционные памятники были уничтожены из-за перемен в символической политике, поскольку воспринимались как вражеские символы. Несмотря на то, что памятник «Русалке» венчает ангел с православным восьмиконечным крестом, а скульптор А. Адамсон был грешен перед советской властью из-за создания пяти антисоветских памятников, кенотаф кораблям-жертвам-героям превратился в советский знак. Автор монумента был автором памятника затопленным кораблям в Севастополе, который стал одним из первых «реабилитированных» памятников дореволюционной эпохи. В этой связи уничтожение скульптуры в Таллине, выглядело ненужным делом. Кроме того, из-за размещения в Кадриорге, основанном Петром I, памятник становился частью культа единственного монарха, не просто заслужившего «прощение» большевиков, но и включенного в список «прогрессивных исторических деятелей». Таллин превращался в 1940 г. в главную советскую морскую базу и потому «морской памятник», хотя и не без коммунистических символов, был нужен. Газета «Красный Балтийский флот» писала 20 июня 1940 г.: «В частях, расквартировавшихся в Таллине и на кораблях, отдавших якоря на Таллинском рейде (обширном и глубоководном), проведены беседы об эстонской столице, ее прошлом и настоящем. Группа краснофлотцев и командиров знакомились с достопримечательностями города. Моряки осмотрели памятник «Русалка», поставленный в честь погибшего русского военного корабля, домик Петра Первого, завод, на котором в дореволюционные годы работал Михаил Иванович Калинин».

О характере монумента многое может сказать его место в путеводителях. Анализ нескольких десятков та-

ких изданий, а также наборов фотографий для туристов свидетельствует, что до революции памятник пользовался повышенным вниманием тех, кто составлял путеводители по городу. Это говорит о том, что этот объект был важен для административного центра империи. В первой Эстонской республике, судя по путеводителям, как малопривлекательное имперское наследие, он был отодвинут на второй план. В советские десятилетия у летящего ангела были скромные шансы войти в ряд главных достопримечательностей Таллина. После 1945 года коммунистическая пропаганда была нацелена на то, чтобы максимально фокусировать внимание на «единство семьи народов». В изданиях для туристов изображение памятника «Русалке» чаще всего использовалось для маркировки своеобразной границы между картинами средневекового и социалистического Таллина. Когда в 1991 году Эстония вновь обрела независимость, памятник вновь стал несколько чужим наследием. Он не подвергся нападкам со стороны националистических сил,

но русскоязычная община выбрала его в качестве одного из «русских мест» в городе. Свидетельство тому — возложение цветов русскими парами в день бракосочетания. Эстонские молодожены несут цветы к памятнику освободительной войны 1918–1920 гг. — «Кресту Свободы».

Общение с моряками-ветеранами Советского военно-морского флота позволяет судить, что памятник «Русалке» для многих из них — своего рода местное надгробие СССР. Могучее по их представлениям государство исчезло также как более века назад исчез броненосец — таинственно, не во время войны, а в сугубо мирной обстановке. Виновные в катастрофе не названы и не наказаны, не развеяны и подозрения в действии неведомых темных сил. Многие русские, проживающие в Эстонии, подобно другим соплеменникам, оказавшимся за пределами Российской Федерации, кажутся очень актуальными слова, выбитые на постаменте памятника в 1902 году: «Россияне не забывают своих героев-мучеников».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларионов Л. В. Гибель «Русалки» и ее поиски // Эпрон. Сборник статей по судоподъему, водолазному и аварийно-спасательному делу. Вып. III–V. Л. 1934.
2. Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота. Ф.417. Оп. 1. Д.1117. Л.263, 266–266 об., 326–327
3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. № 309. 1903. Дело об изготовлении герба на Высочайшее утверждение контр-адмирала Павла Николаева Вульфа.
4. Торжество освящения памятника «Русалке» // Ревельские известия. 1902. 8 сентября № 203.
5. Федотова М. С. Севастопольская оборона (1854–1855 гг.) в культурной памяти дореволюционной России. Автореферат кандидатской диссертации. СПб. 2012.
6. Вульф П. Памятник по морякам, погибшим на броненосце «Русалка» 7 сентября 1893 г. в Финском заливе. Ревель. 1902. С. 5
7. Смержевских-Смирнова М. А. Таллинские дворцы Петра I в контексте имперского идеологического строительства // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы международной конференции Санкт-Петербург — Царское Село — Петергоф. СПб., 2015. С. 248–265
8. Емелин Ю. А. Офицеры, погибшие на «Русалке» 7 сентября 1893 г. // Корттик. 2008. № 7.
9. Тарасов Н. В. Балтийский порт. Исторический очерк. СПб. 1914.
10. Местная хроника. Вечер в морском собрании // Ревельские известия. 1902. 7 июля № 150.

© Лапин Владимир Викентьевич (lapin.vv@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»